Агасфер с острова Мурано

Звездный лабиринт - 1

Александр Сальников

SHOUT
SHARE
IT

- Александр Сальников

Александр Сальников
Агасфер с острова Мурано

— И это все? — спросил Франсуа, пытаясь разглядеть в стремительно густеющих сумерках, добрались ли беглецы до кромки прибоя. — Четыре подмастерья?

— Три, три подмастерья, господин, — ответил венецианец, нервно поглядывая на державшегося в опасной близости второго француза. Тот ежился на ветру, кутаясь в плащ. — И один настоящий мастер, из хорошего рода.

— Мда? — с сомнением произнес Франсуа. Его люди уже должны были окружить стекольщиков и усадить в лодки, но рисковать Франсуа не хотел, решил еще потянуть время. — Я видел их лица. Они все слишком молоды, чтобы цех объявил их мастерами. Мне кажется, или наш друг лукавит, а, Жан-Жак?

Молчаливый француз хмыкнул и навис над оробевшим венецианцем.

— Побойтесь Господа, синьор! — заторопился тот. — Один из них настоящий мастер! Ему вверили грамоту полгода назад. Можете проверить, она у него с собой. Его зовут Никколо. Никколо Ломбардо.

Ночное небо окончательно заволокло тучами. Начал накрапывать дождь. В темноте, стершей грань между хлябями небесными и морскими, трижды загорелся и погас огонек: беглые стекольщики поднялись на борт барка. Франсуа довольно улыбнулся:

— Ломбардо — известный род. Ты молодец. Но этого недостаточно, мой друг. Мы уговорились на восьмерых.

Венецианец пожал плечами:

— А что я могу сделать? Я и так рискую, господин! Совет Десяти приговорит к смерти любого, кто попытается сманить зеркальщиков из Мурано. Я уже не говорю, что по закону будет с самими мастерами и их семьями.

— Я знаю ваши законы, — холодно оборвал Франсуа. — Здесь тысяча цехинов. По двести пятьдесят за каждого, — кошель глухо звякнул, тяжело упав под ноги венецианцу.

— Но, синьор, — начал было тот. — Вы же понимаете, каких трудов мне стоило уговорить этих зеркальщиков.

Франсуа поморщился. Он никогда не торговался и на дух не переносил сквалыжников.

— Двести пятьдесят. Ни цехином больше. Когда ты подготовишь остальных?

— Вы не понимаете, синьор? — Венецианец всплеснул руками. — Не будет остальных! Просто чудо, что эти-то согласились.

— Очень жаль, — скорбно произнес Франсуа. — В таком случае — прощайте, мой друг.

Полшага — и Жан-Жак прильнул к венецианцу, прижал его к себе. Не было слышно ни крика, ни удара, ни чавкающего звука, с которым сталь наискось взрезает брюшину и врывается в легкие.

— Знаешь, Франсуа, мы с тобой оба не ангелы, но никогда я еще не отправлял человека на тот свет с таким удовольствием, — Жан-Жак отер нож об одежду венецианца. Скинул вымокший в крови плащ на песок и выругался.

— Я тоже не люблю предателей, но в нашем деле без них тяжело, — пожал плечами Франсуа. — Не трогай, дружище, — остановил он тянущуюся к кошелю руку Жан-Жака. — Горшечнику не принесли счастья тридцать сребренников.

— Твоя правда, — согласился Жан-Жак. — Но мне нужен новый плащ.

— Мне кажется, что даже если Людовик пожалует тебе титул, ты все равно останешься сыном мясника, — расхохотался Франсуа. — Я слышал — то платье в кусочках зеркал, в котором королева сияла на последнем балу, обошлось казне в сто сорок тысяч ливров. Идем, мой друг. Думаю, когда мы с нашими ремесленниками доберемся до Версаля, мсье Кольбер выдаст тебе пару су на новый туалет.

Жан-Жак тяжко вздохнул и двинулся вслед Франсуа:

— Тебя послушать, так — какая малость! — бормотал сын мясника и самый дорогой стилет Франции. — Мы увели у республики ее драгоценных стекольщиков, и теперь нам только-то и осталось делов — всего лишь добраться до Версаля!

— Не накликай беды, — одернул его личный телохранитель министра финансов Кольбера. — Мы будем там до конца этого месяца!

* * *

— Приехали. «Версаль», — смешно коверкая гласные, сказал таксист.

Обшарпанная вывеска на втором этаже мебельного магазина. Заложенные кирпичом окна. Переполненная урна у входа.

Игорь щелчком запустил недокуренную сигарету в открытое окно жигуленка и ухмыльнулся. Закусочная «Диамант», зал игровых автоматов «Империя». Заплеванные шелухой и окурками

Елисейские поля.

— Простите, а как вас зовут? — перекрывая далекую канонаду прорывающихся сквозь плохую звукоизоляцию басов, спросил Игорь и прищурился: на крылечке «Версаля» стриженные по-военному мальчики жадно ловили отголоски музыкальной артподготовки, сжимали початые бутылки с зажигательной смесью.

— Рустам, — от удивления сознался таксист.

— Спасибо, Рустам, — протянул пятисотенную Игорь. Таксист засуетился, начал шарить по карманам. — Сдачи не надо, — Игорь улыбнулся и вышел. — И вот еще что, — обомлевший водитель вырубил завывавшие всю дорогу восточные мелодии. — Легкой смены, — пожелал ему Игорь, аккуратно закрывая дверь.

Игорь потянулся и шумно вдохнул июльский воздух, теплый и влажный после грозы. Позади натужно хрюкнул мотор, взвизгнули шины, а потом послышался голос Рустама:

— Эй, — парень замешкался, подбирая нужное слово, — уважаемый!

Игорь обернулся и увидел озабоченное лицо таксиста.

— Вы, я гляжу, не местный. Нечего вам тут делать, — уверенно произнес Рустам и пояснил: — Малолетки одни, отмороженные. Давайте я вас в приличное заведение отвезу.

Подростки оторвались от поглощения алкоголя и цепко рассматривали седого мужчину у видавшей виды шестерки. Игорь чувствовал их взгляды спиной.

— Спасибо, Рустам, у меня здесь назначена встреча. И будьте осторожны, — подмигнул он таксисту.

* * *

Рустам впервые за последние четыре года почувствовал, как у него сжалось сердце. От чужого человека пахнуло той же безысходностью, какую излучал его брат, Алим. Когда целовал свою дочь и обнимал жену. Когда прижимался лицом к рукам матери. Когда трепал его, Рустама, по вихрастой голове. В ночь перед обычной сменой добровольного отряда. В ночь, после которой Алима, разорванного бандитским фугасом, уже никто не видел. Лишь обитый бархатом гроб.

Рустам только и смог, что кивнуть седому человеку в бежевом свитере. В эту ночь он больше не работал. Он позвонил хозяину, поехал на вокзал и купил билет домой.

* * *

Машина скрылась из вида. Игорь вытащил из пачки еще одну сигарету и щелкнул зажигалкой. Неспешно одолел четыре ступеньки крыльца. За железной дверью девичий голос надрывался про «нас не догонят».

Северная ночь кутала призрачной дымкой панельные пятиэтажки. Игорь скользнул взглядом по темным окнам ближайшей хрущевки. За одним из них тут же вспыхнул огонек. Зеленый абажур диковато выкрасил засаленную кухоньку. Женщина в линялой майке принялась жадно глотать воду из носика эмалированного чайника. Даже под этим ядовитым освещением маки на болотной эмали были алыми.

Игорь взялся за пластмассовую ручку, насаженную на здоровенный штырь, торчащий из двери заведения. Шумно вдохнул и потянул на себя. Дверь послушно открылась и захлопнулась, подталкивая в душное нутро «Версаля».

* * *

— Молодые люди — пятьдесят, девушки — бесплатно, — заученно отчеканила бабушка на кассе.

Игорь внимательно рассмотрел высушенную временем бабулю. Из вырезанного в оргстекле полукруга дохнуло покоренной целиной и пылью зеленых киношных билетов.

— Один взрослый, пожалуйста, — Игорь протянул нужную бумажку и улыбнулся.

* * *

Седой суховатый мужчина сунул в окошко полтинник и улыбнулся.

Анна Федоровна вдруг ощутила такую благодать, что даже постоянное грохотание «дурной» музыки наверху стихло, а мучавшую ее головную боль сняло как рукой. Она словно на секунду вернулась в детство, когда покойная бабка вела маленькую Нюрку в только что очищенный от проросшей картошки храм. Вокруг кланялись соседки в белых платках, а незнакомый бородатый дед махал дымящим шаром на цепочке. В сыром воздухе пахло свечами и чем-то сладким. Из дыры в крыше лучом бил свет. Он падал прямо на темные картинки алтаря, там, под потолком. Высоко-высоко, выше дощатого пола, выше

растрескавшихся деревянных цветов, выше пустых прямоугольников иконостаса.

Сердце Анны Федоровны гулко бухнуло. Старушка смахнула слезу, украдкой перекрестилась и полезла за валидолом в сумочку из потрепанного дерматина.

* * *

— Руку! — приказал дородный парень после того, как его коллега отошел в сторону, помахивая лопаткой металлоискателя.

— Простите, что? — не понял Игорь.

«И если негодяй пытается тебя достать», — грохнуло с танцпола.

— Руку давай, — замахнулся печатью охранник.

Игорь подставил левую ладонь под штамп. И заглянул в глаза местному Церберу.

Бумц — бумц — бумц. За басами шум крови в ушах было не разобрать. Взгляд получился слишком долгим.

— Вовчик, я не понял, — вмешался парень с металлоискателем. Хрустнул шейными позвонками. — Есть проблемы?

Игорь лишь покосился на него и глупо улыбнулся.

— Да не, ровно все, — промямлил хранитель печати. И уже обращаясь к Игорю, добавил: — Проходите.

— Спасибо, — ответил тот, кивнул напоследок и пошел вверх по лестнице, туда, где тяжелый дух горячих тел мешался с табачным дымом.

* * *

Владимир поежился, стряхивая наваждение. В его голове звучал колокольчиком голос. «Ты хороший человек. Будь готов», — повторял он. Колокольчик звенел серебром.

* * *

— Я заглянул в зеркало.

Человек за столиком лениво скользнул по Игорю взглядом, будто нехотя оторвавшись от экрана плазменного телевизора. Смерил с ног до головы и вернулся к беззвучно мечущимся картинкам новостей.

— Я заглянул в зеркало, — настойчиво повторил пароль Игорь.

— Вижу. Присаживайся, — человек, которого за глаза называли Продавцом Счастья, кивнул на пустой стул напротив.

Игорь послушался. Глубоко вдохнул и как можно увереннее произнес:

— Меня направил к вам Иван.

Продавец картинно зевнул и откинулся на спинку стула. Заложил руки за голову:

— Да? И как у него дела?

— Гораздо лучше. Гораздо, — повторил Игорь и принялся изучать похожего на флибустьера собеседника.

Длинные спутанные волосы, неопрятная борода. Черная рубаха, за расстегнутым воротом массивная золотая цепь. Такие же, как у него, Игоря, потрепанные джинсы. Дорогие, но затертые. Голубые блестящие глаза на смуглом лице.

И никакого будущего. Вообще.

Игорь ждал. Продавец молча пялился в телевизор. Рвались через стенку басы, били по диафрагме.

— Я бы хотел сразу перейти к делу, — начал Игорь.

— Игорь Чернов, бизнесмен. Кандидат физико-математических наук. Вдовец. Последние четыре года не может выкарабкаться из преследующих его неудач, — резко выпрямился Продавец, протягивая зажигалку Игорю. — И все это началось после того, как ты увидел свое отражение в разбитом зеркале. Кстати, как это было?

— Мы перевозили мебель. Трельяж, — спокойно ответил Игорь.

Бородач ухмыльнулся, заметив, как гость старается спрятать раздражение.

— Но что самое забавное, — продолжил Продавец, пододвигая пепельницу, — Игорь Чернов стал видеть странные вещи. Как бы это помягче выразиться, — он пощелкал пальцами и хохотнул, — Игорь Валерьевич Чернов стал разбираться в людях!

— Я нисколько не сомневаюсь в вашей компетентности. Давайте перейдем к делу.

— Как скажешь, — пожал плечами Продавец. — Все-таки вы очень торопливые создания — неудачники, — продолжал он, уже давя на кнопки мобильного.

Игорь лишь поджал губы.

— Это Продавец, — буркнул в трубку бородач и озорно подмигнул Игорю. — Узнай-ка мне, Василий Семеныч, остаток на счете. Да, я жду поступления от… — Он прикрыл пальцем щелку микрофона, — наименование плательщика?

— Приснодева Мария. На латыни, — подсказал Игорь.

— Ого, — уважительно протянул Продавец. Плюнул в трубку: — Фирма «Вирджине Мариа». Да, все «и» с точкой. Ну все, жду.

За соседним столиком девочки опустили фужеры с шампанским и засмеялись. Ноздри Продавца дрогнули. Он отложил телефон и кивнул появившемуся вдруг охраннику. Тот неспешно подошел к столику и после недолгой тихой речи выпроводил дамочек из бара.

Игорь докуривал вторую сигарету, когда запрыгал по столу мобильник.

— Ну? — после краткого ожидания лицо Продавца осветилось улыбкой. — Все нормально, Игорек. Выпьем?

— Я бы хотел… — упрямо повторил Игорь

— Да ладно тебе! Кидалова не будет, — Продавец пощелкал пальцами девушке в синем переднике и только тогда отреагировал на удивленно вскинутую бровь Игоря. — С волками жить… Что поделать — глушь. Мне даже вино из Европы приходится заказывать.

Официантка поставила на столик бокалы, бутылку красного и сменила пепельницу.

— За счастье, — поднял бокал Продавец. Налитая до краев рубиновая жидкость опасно плескалась и падала на стол тяжелыми жирными каплями.

— За счастье, — эхом отозвался Игорь, но чокаться не стал.

Вино было отменным. Игорь пригубил, покатал на языке, наслаждаясь вкусом. Оно смочило пересохший рот, наполнило ноздри ароматом винограда. Продавец осушил бокал и грохнул его о стол. Граненая ажурная ножка пискнула, но выдержала. Бородач отер губы и плеснул себе еще.

— А почему латынь? — спросил Продавец, и Игорь вдруг понял, что торговец счастьем пьян.

— А как вас зовут? — откликнулся Игорь.

— Николай. Для товарищей по несчастью, — протянул руку бородатый, — можно Ник.

— У меня был бизнес, — пожал ладонь Игорь, — в Италии.

— Кончился? — Бородатый опять хохотнул. Звук напоминал курлыканье журавлей. — Не хмурься, Игореха! Это вернет тебе удачу. Ты, конечно, — Николай налил себе еще, — как бывший ученый, наверное, страсть как силишься понять физику процесса, а? Вот, к примеру, часы, — флибустьер не дожидаясь ответа кивнул на циферблат на стене. — Ты — в центре, и сморишь туда, куда указывает стрелка. И что ты видишь, Игорек? Ты видишь себя. Себя, потому как каждая цифра — это ты. Игорь Валерьевич в полдень, Игорь Валерьевич в три, в полшестого, — курлыкнул

Продавец. — Часы работают, механизм исправен. Все находится в равновесии, в балансе. И тут по недоумию своему, берешь ты, к примеру, ножичек, и — чирк — нет на циферблате цифры. Нет больше Игоря Валерьевича в одиннадцать ноль-ноль. Исчез он. Пропал с той стороны стрелки. Все — баланс нарушен. А почему? Потому что убил Игорь Валерьевич себя самого, по неосторожности. Убил и не заметил. А ведь у того, который в одиннадцать, тоже жизнь была. Работа, жена — Ира, — Продавец осклабился, глядя, как наливаются красным щеки гостя. — Сынишка в третий класс осенью должен пойти. А Игорь Валерьевич ни сном, ни духом. Разрушил чужую жизнь — и ко мне. Жаловаться. Не везет, мол, помоги.

— Я никого не убивал! — взорвался Игорь, но тут же взял себя в руки.

— Как знать, как знать, — покачал головой Продавец. — Ну что, дальше рассказывать?

— Мне дела нет до ваших бредней, — нахмурился Игорь и потянул из пачки сигарету. — Меня интересует результат.

— О, поверь мне, результат превзойдет все твои ожидания. Это ведь как маятник, — услужливо щелкнул зажигалкой Продавец. — Много куришь, кстати. А ведь я здоровья не гарантирую, только фарт.

— Давно не курил, — пожал плечами Игорь. — Так что там про маятник?

— Жизнь, говорю, как маятник. Вот ты сейчас на темной стороне, потому как заглянул в разбитое зеркало. Особое зеркало, — подмигнул Николай. — А я, по доброте душевной, заберу все твои несчастья, и что останется? Бешеная, немыслимая удача останется у тебя, Игорек.

— У вашей душевной доброты много нулей, Николай. Вы понимаете, что с вами может случиться за такие деньги, если все это — кидок?

Продавец смеялся долго.

— Кидок! Надо же, а еще интеллигентный с виду человек! На офицера царской армии похож, а все туда же! Игорь Валерьич, ты знаешь, сколько я лет в этом бизнесе? — Продавец хлопнул Игоря по плечу. — Я еще с князем Меньшиковым Воробьевский завод строил. «Амбар каменный длиной восемьдесят три фута, в вышину десять аршин, в нем плавильная печь сделана из кирпичу белой глины», — продекламировал бородатый и добавил: — А такое ты видел?

Продавец схватил вилку и с размаху вогнал ее себе в ладонь. Брызнула кровь, и перед носом Игоря появилась пятерня со стремительно зарастающими четырьмя ранами.

— Вот так-то, — отер руку о рубаху Продавец, глядя на ошарашенного клиента. — Ну что, начнем? Вся запара в том, чтобы воля у тебя была добрая, Игорек. Без всяких там сомнений, а то не выйдет ни хрена. Понял?

Игорь быстро закивал.

— Ладно, гляди сюда, — Продавец достал из нагрудного кармана маленькое зеркало. Положил его на стол. Кое-где амальгама потрескалась и отвалилась, бронзовая рамка позеленела, но золотая вязь латинских букв по периметру блестела ажурными изгибами. — Это работа одного старого мастера, — гордо сказал Николай. — Его звали Лучано. Редкая вещь, очень дорогая. Загляни в него. Гляди внимательно, не отводи взгляда.

Игорь наклонился поближе, всматриваясь в свое отражение.

Вдруг словно кто-то невидимый повернул рубильник, музыка захлебнулась. В наступившей тишине раздался оглушительный шепот Продавца:

— Властью, данной мне Зазеркальем, и по доброй воле Чернова Игоря, сына Валерия, я забираю его наказания и закрываю дверь.

Тяжелый кулак бородача опустился на зеркало. Оно взвизгнуло и с глухим хлопком раскололось надвое.

И тут же на Игоря обрушился притаившийся до поры звук. Снова ударили в диафрагму басы, заторопились, забегали по экрану ожившие картинки.

— Ну, вот и все, — вылил в бокал остатки вина Продавец. — Будь счастлив, Игорек. А я понесу тяжкий крест твоей кармы сквозь века, — пафосно произнес Николай, коротко курлыкнул журавлем и поднял бокал.

Игорь осторожно взял осколок зеркала и поймал в нем луч лампы:

— Нет, не все.

— Не понял? — оторвал губы от бокала Продавец.

— Не все, — повторил Игорь, медленно поднимаясь с места. — Предательство, гордыня, а теперь еще сребролюбие и ложь.

Продавец нахмурился, сжал зубы и вперил взгляд в клиента. Он сверлил взглядом лицо Игоря, словно пытаясь что-то рассмотреть, что-то важное, от чего проступает пот и бледнеет его смуглая кожа.

Кандидат физико-математических наук, вдовец и бизнесмен Игорь Валерьевич Чернов оттянул ворот свитера и выудил из-за пазухи маленькое зеркальце на плетеном кожаном шнурке. Рванул его, выставив вперед сверкающий прямоугольник, и

трижды постучал по столу:

— Здравствуйте, мастер Ломбардо.

Стены бара всколыхнулись и начали медленно таять.

* * *

В дверь трижды постучали. Человек, сидящий за столом, вздрогнул и навел пистоль на массивную сшитую стальными полосами створу:

— Какого дьявола вам надо?

— Синьор Ломбардо, — раздался из коридора жалостливый девичий голос. — Вам нужно поесть.

Человек обвел мутным взглядом небольшую комнату. Альков с застланной шелком кроватью, уставленный стеклянными бокалами и золотыми супницами столик. Слева у стены задирал в потолок гнутые ножки опрокинутый вчера стул. В неровном свете свечей поблескивали темной зеленью не початые еще бутылки.

Дюжина, пересчитал человек и успокоился.

— Впустите, мастер Ломбардо, — не успокаивались за дверью. — Вы не появлялись в цеху уже три дня. Мсье Сюэр беспокоится за качество…

— Убирайся к черту, французская шлюха! — рыкнул Никколо. — Стеклу лежать под грузом еще две недели! И вот что, — он снова пересчитал бутылки с вином. Их было по-прежнему двенадцать. — Принеси мне завтра, нет, лучше послезавтра еще вина. Только не вздумай отирать с бутылок паутину! Тебе понятно?

— Слушаюсь, синьор, — пискнула девушка.

Когда шаги стихли, Никколо обессилено откинулся на спинку стула. Закутался в шерстяное одеяло и шумно выдохнул. Изо рта вырвалось облачко пара. Февраль за массивными запертыми изнутри ставнями колотил крупой по витражу, засыпал узкие улочки Тур ля Виля. Мастер Ломбардо поежился. В маленькой комнате на третьем этаже не было камина, зато имелась дубовая дверь и надежные ставни. Но и они не могли избавить его от страха.

Никколо встал, поднял бутылку и придирчиво осмотрел сургуч. Пыльное стекло замарало длинные бледные пальцы. Мастер отер их о панталоны, стиснул тяжелый тесак и одним движением снес горлышко.

Первый фужер он осушил махом, жадно глотая холодное, терпкое вино, не замечая, как оно льется по подбородку, расплывается рдяным пятном по белой рубашке.

Стало немного теплее. И спокойнее. Никколо наполнил опустевший фужер, пододвинул канделябр. Красная кровь французской лозы едва заметно колыхалась в муранском бокале. Тонкая, грациозная ножка, отделанная витой нитью из опалового стекла. Пузатый бок фужера, украшенный мелкими пластинками, изображавшими лилию. Казалось, цветок застыл в прозрачной, как слеза, смоле. Николо вспомнил, как еще подмастерьем его и Альвизе Раммузио взяли на Немецкое подворье, что на Риальто. Там, в лавке купца из Брюгге, он впервые увидел чудной желтый камень с замершей в нем мошкой. Купец просил за него полсотни дукатов или ладонное зеркало. Зеркало с острова Мурано.

В глазах Никколо потемнело. Он выпил до дна и грохнул фужером о стену. Стекло лопнуло, как первая струна мандолины, брызнуло осколками по полу.

Ломбардо схватил дрожащими руками супницу, давно пустую и немытую, наполнил ее до краев вином и пил, пил, давясь и задыхаясь, чтобы прогнать видение. Прогнать темную, безлунную венецианскую ночь, скрип рангоута барка, удаляющуюся громадину острова за кормой. Две дюжины вооруженных французов — телохранителей и охранников, и хмурые угрюмые лица друзей.

Полтора года пытался забыть Никколо эту ночь.

Богатство и роскошь при дворе Людовика. Величие мастера Ломбардо и его «волшебных стекол», о которых будут говорить столетия. Сладкие речи министра Кольбера, сулящие и успокаивающие, обещающие покровительство и защиту от венецианских сбиров.

— Где? Где та защита, что вы нам обещали? — закричал Никколо, снося горлышко очередной бутылке.

Бабник Энрико, весельчак Конти. Верный Альвизе.

Синюшные, раздутые лица. Расцарапанные шеи, будто в агонии пальцы сами решили вырвать отраву из горла. Черные губы. Закатившиеся глаза.

— Я — Никколо Ломбардо! — закричал мастер, взмахнув пистолетом. Огоньки свечей затрепетали, отбрасывая на обожженный кирпич комнаты исполинскую тень. — Я — великий мастер! Вам меня никогда не достать, слышите? Никогда! — прокатилось по пустым коридорам замка.

Ветер взвыл за окном. Часовой у аркады остановился, перехватил поудобнее мушкет и задрал голову. На третьем этаже опять кричал пьяный венецианец. Часовой перекрестился и продолжил обход.

— Великий, великий, — продолжал бормотать Никколо, кутаясь в одеяло. — Великий…

… Никколо дрожащими руками снял гнет.

Ртуть проглотила олово, растворила его в себе, образовав тонкий матовый прямоугольник под прозрачным стеклом. Подмастерье аккуратно вставил крючки в пазы по углам и медленно, нежно потянул на себя. Предзакатное солнце отразилось в зеркале, ударило лучиком по глазам. Никколо улыбнулся своему отражению. Улыбнулся мастерской, одинокой оливе, мощеному дворику и уходящей к морю дороге, петляющей за овитой лозой оградой.

Раздался хлопок и мир покрылся бесчисленным множеством трещин.

— Дьявол тебя побери, Никколо! — отвесил знатную оплеуху дядя Франческо. — И как ты смог уродиться в такой славной семье? Тех несчастий, что должны свалиться на твою непутевую голову, уже должно хватить на десяток жизней. Клянусь святым Марком, тебе никогда не достичь славы твоего прадеда! — мастер Франческо зло сплюнул. — Убери тут все, бездарь криворукий!

Обида закупорила горьким комом горло. Никколо попытался удержать слезы, но не смог. Мутная пелена встала перед глазами. Длинные худые пальцы дрожали, собирая в корзину осколки. Они не чувствовали боли от порезов. Просто собирали осколки, пачкая красным блестящую поверхность…

Конти закончил рассказывать свежий анекдот о венецианской девственнице. Молодые люди дружно загоготали, хлопая по столу ладонями. Трактирщик воспринял жест на свой счет — им принесли еще вина. Энрико облизал губы и заговорщицким шепотом начал рассказывать о предстоящей поездке в столицу:

— И пока мастера будут танцевать на площади, я отведу вас к паре знакомых девушек, — подмигнул он товарищам и закончил, — даю слово, нас к утру не хватятся!

— У меня опять ничего не вышло, — хмуро произнес Никколо, не поднимая глаз от кружки.

Друзья оторвались от обсуждения карнавала.

— Ничего не вышло, — повторил Никколо. — Зеркало. Оно опять лопнуло.

— Да брось ты, — хлопнул по плечу Альвизе. — В твоих жилах, мой друг, течет кровь самого Лучано Ломбардо! Когда-нибудь ты превзойдешь своего славного предка, верно, собратья?

Товарищи закивали и подняли кружки.

— За это я продал бы душу, — прошептал Никколо.

Внезапно гомон в таверне стих. Наступившая тишина навалилась, сбила дыхание.

— У тебя нет души.

— Что? — поднял голову Никколо.

— У тебя нет души, — повторил Альвизе и подался вперед. Свет упал на его синее, раздувшееся лицо.

— А все что у тебя было, ты уже продал, — растянул черные губы в улыбке Конти.

— Честь, родину, друзей, — сверкнул белками закатившихся глаз Энрико.

Никколо вскочил, опрокидывая стул, и попятился:

— Нет! Нет! Господи, нет!

Три мертвеца медленно приближались.

— Ты искусил нас… Заставил бросить наш остров… Нарушить устав…

Никколо сдавил ладонями уши и закричал, перекрывая свистящий шепот. Но он не прекращался:

— Клятвоотступник! Никколо Ломбардо — клятвоотступник!

— Приснодева Мария, к тебе взываю…

— Мы пришли за тобой, Никколо! Кайся!

— И что я много согрешил мыслью, словом, делом и неисполнением долга… Убирайтесь в ад! В ад! — крикнул что было мочи Никколо и…

…проснулся.

Руку, сжимающую пистолет, свело судорогой. Рубашка насквозь промокла от холодного пота. Никколо облизал пересохшие губы и потянулся к супнице.

— Ад — это еще не самое страшное, мастер Ломбардо.

Напротив сидел человек. Отблески догорающих свечей выхватывали из темноты его фигуру, оставляя неразличимым лицо. Пальцы, затянутые в тонкую черную перчаточную кожу, плавно постукивали по столешнице, будто мужчина играл на клавесине.

— Кто вы, и как сюда попали? — навел на него пистолет Никколо.

— Я думаю, вы знаете ответ на это вопрос, мастер, — неспешно ответил человек, не отвлекаясь от игры. Никколо показалось, что незнакомец улыбается.

— Ты работаешь на Гвистиниани, — понимающе ухмыльнулся мастер.

— Нет, — задорно ответил человек, — но я думаю, венецианский посол будет очень рад узнать, где прячется последний из предателей.

— Дешевая ищейка, — прошипел Никколо и нажал на спуск. Боек чиркнул по кремню, но не грохнул выстрел, не вздернула руку отдача. Мастер ошалело уставился на взбунтовавшийся пистолет.

— Смело, — кивнул незнакомец, и его пальцы перестали

порхать. Ладони уперлись в стол, и из полумрака вынырнуло будто вырезанное из воска лицо. Разглядеть черты Никколо не успел. Он видел только два маленьких овальных зеркальца, там, где у созданных Господом людей были глаза. В них отражался бледный, вжавшийся в спинку стула человек. — Не пугайтесь, мастер. Я принес вам не смерть. — Нелюдь улыбнулся, явно наслаждаясь зрелищем. — Я принес вам жизнь, мастер Ломбардо. Вечную жизнь. В обмен на…

— Душу? — выдохнул Никколо.

— Не смешите меня, мастер, — отмахнулся незнакомец. — Я вовсе не Диавол. Вы, кстати, собирались выпить, не так ли? — налил он вина и пододвинул к Никколо супницу. Тот вцепился в нее, как утопающий в соломинку. Нечеловек плеснул вина и себе, пригубил, словно оценивая букет.

Пока мастер шумно пил, незнакомец продолжал:

— Ни свинец, ни сталь, ни яды, ни болезни не причинят вам вреда. Что, согласитесь, при теперешнем положении весьма выгодно. Вы можете задохнуться или сгореть, здесь я не властен, но расшибиться вам не удастся. Ваше тело не позволит этого. Оно всегда будет оставаться телом тридцатипятилетнего мужчины. Взамен же я прошу не душу, нет. У вас ведь нет души, — на восковом лице потекла, зазмеилась улыбка. Никколо закашлялся, подавившись. — В обмен я хочу разорвать договор, заключенный с вашим предком Лучано.

— Какой договор?

— Все Ломбардо, начиная с вашего прапрадеда, могли изготовить истинное зеркало. Мы открыли вам этот секрет. Нам нужны были двери из Зазеркалья в ваш мир.

Едва захмелевший Никколо вновь протрезвел:

— То есть я никогда не смогу больше создать зеркало?

— Истинное зеркало, — поправил зеркальный человек. — Ну так вы согласны?

Никколо задумался. Вечная жизнь манила и пугала одновременно. Ему вспомнилось Святое Писание.

— А если я откажусь?

Незнакомец захохотал. Он хохотал совсем как человек: задорно, раскатисто, запрокинув голову и утирая невидимые слезы.

— Ох уж эти венецианцы, — погрозил он пальцем, вдоволь насмеявшись, — все бы им торговаться! Если вы откажетесь, мастер, к концу месяца по вам справят панихиду. Один из французских работников уже продал свой стилет за пять тысяч ливров. Кстати, видеть будущее и прошлое человека — это еще одна из прелестей вашей новой жизни, вечной жизни, мастер. Ну

так как?

— Вечной жизни, — упавшим голосом повторил Никколо. — Я стану неприкаянной душой, как Вечный Жид.

— Недурственное сравнение, мастер, — похвалил незнакомец. — Не замечал в вас тяги к писательству. «Агасфер с острова Мурано». Отлично звучит. Надо будет нашептать какому-нибудь сочинителю вашу печальную историю. Ничто не вечно, — сменил тон гость из Зазеркалья. — Даже путь Жида окончится рано или поздно. Вы же сможете упокоиться, когда искупите все свои прегрешения.

Никколо удивленно вскинул бровь.

— А как вы думали, мастер? Я ведь не Создатель, я всего лишь гость с той стороны зеркала, — развел руками незнакомец. — Ваша жизнь будет питаться только за счет чужих несчастий, принятых вами на себя по доброй воле. А когда избавление от людских горестей наполнит до края чашу вашего греха, мастер, я принесу избавление и вам.

Мастер Никколо тонул в мягких напевных звуках голоса. Слова шли через него, качали, убаюкивали страх. Плавили в сознании образ окровавленного стилета.

— Я… Я согласен.

Незнакомец улыбнулся, веки его смежились, оставив блестящие щелочки. Никколо отвел взгляд и отхлебнул прямо из разбитого горлышка.

— Взгляните, мастер, — незнакомец положил на стол круглое зеркальце в оправе слоновой кости. По краю тусклым золотом вилась гравировка «Меня сделал мастер Лучано Ломбардо». — Загляните в него.

Никколо повиновался и увидел на дне стеклянной безделицы себя, юного и улыбающегося. Молодой Никколо тоже, казалось, увидел его, перестал улыбаться и что-то быстро заговорил. Губы шевелились, но не попадали в такт баюкающего речитатива незнакомца:

— Властью, данной мне Зазеркальем, и по доброй воле мастера Никколо Ломбардо я разрываю договор и закрываю дверь.

Затянутый в черную кожу кулак грохнул по зеркалу. Оно застонало и разлетелось вдребезги.

Напряжение схлынуло. На Никколо вдруг навалилась немыслимая усталость. Он медленно поднял голову и спросил:

— И что теперь?

Незнакомец уже стоял у выхода и отпирал засов.

— Теперь? Теперь бегите, мастер. Бегите на край света, пока Святая инквизиция не сделала из вас факел. Ее наверняка

заинтересует человек с такими талантами, коими вы только что обзавелись. До встречи, — отсалютовал человек из Зазеркалья и вышел.

Никколо вскочил, опрокинув стул, и выбежал в коридор:

— Постойте! Но как же…

Коридор был пуст. Лишь в дальнем конце мутно поблескивало зеркало. Оно жадно ловило первые лучи солнца, яростно продирающиеся сквозь тяжелые облака февральского утра.

Никколо провел ладонью по лицу. Кожу обдало жаром.

— Я так до горячки допьюсь, — пробормотал он.

— Мастер Ломбардо, — окликнули сзади. Шурша юбками, к нему приближалась служанка. В руках она несла корзину, из которой торчали залепленные сургучом пыльные зеленые горлышки бутылок. — Как славно, что вы наконец-то вышли из комнаты!

Девушку звали Изабель. Ей было семнадцать лет от роду. Всего этого Никколо до теперешнего мгновения не знал. А того, что в двадцать шесть Изабель зарубит топором взревновавший к соседу супруг, не мог знать и подавно.

* * *

— Черт возьми, а я ведь знал, знал, что с тобой что-то не так, — пробормотал Никколо, когда его руки перестали трястись. — И главное, так просто — носил зеркало блестящей стороной к сердцу. И как я мог забыть об этом трюке…

Человек из Зазеркалья кивнул, завязывая узелок на шнурке.

— А что бы вы сделали, мастер? Попытались бежать? — улыбнулся он. Спрятал зеркало за пазуху. В ту же секунду изгибающиеся стены бара обрели резкость, медленно, как набирающая обороты пластинка, заиграла музыка с танцпола, поплыл висевший до этого облаком табачный дым. Человек моргнул, глаза его вновь стали серыми, а сам он — Игорем Черновым. — Вечность не пошла вам на пользу. Вместо искупления вы увязли в еще большем грехе, мастер. Мы долго сомневались, но теперь ваша вина доказана.

— Вина? О чем ты? Я делал все так, как было уговорено, — затараторил Продавец.

— Ложь и сребролюбие, мастер, ложь и сребролюбие, — вынул из пачки последнюю сигарету Игорь. Медленно размял пальцами. Закурил. — Бить фальшивые зеркала, наживаться на несчастных, по незнанию уничтоживших двери в ваш мир, разве

об этом мы условились там, в маленькой комнате замка Тур ля Виль?

Продавец нахмурился и метнул взгляд в сторону охраны. Игорь прицокнул и предостерегающе покачал головой. Никколо почувствовал, будто из его тела вынули всю плоть и набили ватой:

— Мне нужны были деньги, — попытался оправдаться он. — Не мне, конечно, конечно не мне — для моей, нашей миссии! Деньги на истинные зеркала. Работы Лучано стоят теперь дорого, очень дорого, понимаешь?

Игорь лишь пожал плечами и затянулся.

— А как же Кэрролл? — Ухватился за последнюю надежду Продавец. — Он ведь тоже заработал на Зазеркалье, однако вы оставили ему жизнь, пусть не вечную, но жизнь!

— Чарльз Доджсон лишь приоткрыл завесу и умер в бедности, — выпустил тугую сизую струю в потолок Игорь. — Кроме того, он сразу же отказался от экспериментов с фотографией после нашей встречи.

Последняя фраза прозвучала так зловеще, что Никколо выпрямился и отстранился.

— И что теперь? — прошептал он.

Спустя три столетия фраза прозвучала иначе.

— Теперь? — Переспросил Игорь тем же тоном, что и тогда, в предместье Парижа. — Теперь — все, — просто ответил он и заколотил окурок в пепельницу.

Продавец вздрогнул, вжался в спинку стула. Затравленной крысой огляделся вокруг и вдруг оскалился в лицо Игорю.

— Ложь и сребролюбие, говоришь? Предательство и гордыня? И за это осудили меня те, кто мнит себя абсолютной справедливостью, а на деле — лезет в наш мир и кроит его под себя? — Никколо вцепился в край стола, подался вперед. — Только лишь потому, что им не нравится то, что отражают зеркала? Рвут и топчут судьбы и события, чтобы сделать свою плоскую жизнь насыщеннее, лучше, вкуснее? Так где же ты был, ангел возмездия? — брызгал слюной Продавец. — Где ты был, когда я искал смерти, искал встречи с тобой? Когда я раз за разом резал пальцы об осколки очередного лопнувшего зеркала? Когда искал рецепт? Рылся в фолиантах и жег до смерти каленым железом сначала всех, в ком была хоть толика от семени Ломбардо, а потом и тех, кто просто был с ними рядом?

— Ты не терял времени даром, — сухо ответил Игорь. С воскового лица на Никколо вновь уставились два маленьких зеркальца.

— О, да! Я так и не вернул себе дар. Но я узнал многое о вас.

И стал готовиться к встрече, — Никколо блеснул в полумраке зубами. Верхняя его губа дрожала, лицо кривилось ненавистью. — Ложь и сребролюбие — мои грехи? И ты явился меня за них покарать? Скажи уж, что тебе просто снова надоело утолять жажду сухарями, так будет честнее! Что? Что ты можешь мне сделать? Молчишь? Если бы вы, великие гости-с-той-стороны-зеркала, могли убить меня, вы не стали бы ждать так долго! Ты пришел бы тогда, когда я начал скупать и уничтожать все, что хоть как-то походило на двери, ведущие из Зазеркалья в наш мир. Ты пришел бы тогда, когда последнего Ломбардо зарыли в землю, и я начал искать тех, кто мог знать о вас и Зазеркалье.

— Или тогда, в январе девяносто восьмого, в Гилфорде, когда ты удавил подушкой Чарльза Лютвиджа Доджсона? Несчастного старика, который нес бредни, вымаливая несколько лишних часов? — Кончики губ на восковой маске выгнулись вверх. — Мы видели каждый твой шаг, мастер. Просто время, отпущенное тебе, тогда еще не вышло. Но теперь, теперь пора сковырнуть цифры, вырвать стрелку и остановить маятник.

Никколо закусил губу, чувствуя, как заколoло под сердцем.

— Валяй, — он с трудом расправил плечи и натужно осклабился. — Сегодня в десять утра, если я не позвоню по нужному номеру, одну нехитрую машинку некому будет остановить. Некому будет замкнуть контакт, и обычный молоток разнесет к чертям вашу волшебную дверь, последнее истинное зеркало мастера Ломбардо, — эти слова дались тяжело: в легких уже не хватало воздуха.

— Глупый, глупый Никколо, — медленно произнес Игорь, вынимая из-за пазухи зеркальце на кожаном шнурке. — Он не боится смерти и хочет побольнее укусить напоследок, — блестящий прямоугольник опустился на столешницу. — Похвально, мастер, похвально. Но нам не нужны больше зеркала, — Игорь посмотрел в красные от полопавшихся капилляров глаза Продавца. — Профессор Доджсон, балуясь с реактивами в фотолаборатории, открыл нам другой путь. Ты подошел очень близко, мастер Никколо, и той январской ночью мог бы разговорить старика Льюиса. Но вот незадача — вместо него в Гилфорде тебя ждал я. Знаешь, как это паскудно — умирать от удушья, Никколо? — спросил Игорь. Вены на шее Продавца вздулись, на губах выступила пена. Кривой рот хапал воздух, пытаясь протолкнуть хоть толику в легкие. — Знаешь, — удовлетворенно добавил Игорь.

Продавец вздрогнул и грузно повалился ничком. Глухо ударился о стол, опрокинул бокалы, расшиб лицо в кровь. Бурая в приглушенном свете бара жидкость медленно ползла по

столешнице, принимая в себя капли расплескавшегося вина.

Игорь наклонился к Никколо и прошептал на ухо:

— Но кое-что ты не учел, мастер. Есть вещи и похуже смерти. Да и двери могут открываться в обе стороны.

В ответ ему раздался приглушенный хрип и бульканье.

Игорь приблизился к стойке, оставил деньги и зашагал по коридору к туалету. Едва он вошел, за дверью послышался топот и крики:

— Стой, мужик! Ну-ка стой!

Мощный удар разворотил, сорвал с петель хлипкий пластик: в уборную ввалилась охрана.

В туалете было пусто. В большом зеркале на стене отражался белый кафель.

* * *

— Вовчик! Вовчик! — орал Колян, вытирая кровь с разбитого лица босса. — Чего делать-то?

— Скорую вызывай, дура! — на бегу рыкнул Владимир суетящейся и причитающей официантке. — Колян, пульс есть?

Охранник сунул два пальца под бороду, заелозил по хозяйской шее.

— Бля, нету, кажись! Ментам звонить?

— Да погоди ты! — оборвал его Вовчик. — Вроде дышит, — замер он над раззявленным ртом. — Не разберу, черт! Подай зеркальце, — кивнул он на лежащий на столе сверкающий прямоугольник. Кончик вдетого в него плетеного кожаного шнурка намок в подтекшей крови.

Когда к губам владельца ночного клуба «Версаль» поднесли зеркало, тело его на мгновение выгнулось дугой и обмякло.

* * *

Никколо открыл глаза и закричал.

Со всех сторон, насколько хватало взгляда, шеренгами приближались к нему мертвецы. В первом ряду шли тысячи отражений Альвизе Раммузио. Они улыбались.